

Ворожея

В одном селе жила-была старуха старая, а у ней был сын не велик и не мал, такой, что ещё в поле не сможет хорошо работать. Вот они дожили до того, что им пришлось — и перекусить нечего; вот тут-то задумалась больно старуха, думала себе, гадая крепку думушку, как им быть и на белу свету жить, да чтобы и хлебушка был.

Думала-думала и вздумала думу, да и гуторит своему мальчуге:

— Сынок, поди хоть ты, уведи у кого лошадушек и привяжи их в таком-то кусте да сена дай, а потом отвяжи опять, и отведи в этакую-то лощину, и там поколь пусти их.

Малый её был, нечего сказать, больно проворен; как услышал, что матушка ему приказывает, вот он пошёл да и свёл где-то лошадушек, и сделал всё так, как матушка ему гуторила.

Про старуху же преж сего была молва, что она таки кое-что знает и по просьбе кой-когда бывала ворожа.

Как хватились хозяева своих лошадушек, давай искать, и долго бились они сердечные, да нигде не нашли. Вот и гуторят: «Что делать? Надоть найти знахаря, чтобы поворожить, хошь бы и заплатить ему не больно так много, чтобы найти их». Вот и вспомнили про старуху, да и говорят: «Сем-ка пойдём к ней, попросим поворожить; авось она и скажет нам об них что-нибудь». Как сказано, так и сделано. Вот и пришли к старухе да и бают:

— Бабушка-кормилица! Мы слыхали от добрых людей, что ты кой-чем маракуешь, умеешь гадать по картам и по ним смекаешь, как по-писаному: поворожи-ка и нам, родимая! У нас пропали лошадушки.

Вот бабушка и кажет им:

— Ох, батюшки мои светы, да у меня и мочушки-то нет! Удушье, родимые мои, меня замучило.

А они ей кажут:

— Эка, бабушка, потрудись, желанная ты наша! Это не дарма, а мы тебе за работу заплатим.

Вот она, переминаясь и покашливая, расклала карты, посмотрела на них долго и кажет им (хошь ничего не знала, да делать нечего; голод не свой брат, уму-разуму научит):

— Эка притча. Подумаю. Глядь-ка сюда, мои батюшки! Вот, кажись, ваши лошадушки стоят в этаком-то месте, в кусте привязаны.

Вот хозяева обрадовались, дали старухе за работу и пошли себе искать своих животинушек. Пришли в сказанному кусту, а там уж их лошадей-то и нет, хошь и было заметно то место, где были привязаны лошади, потому что отрезан гуж от узды и висит на кусте, да и сена навалено, чай, немало. Вот они пришли, посмотрели, а их и след простыл; взгоревались бедняги и не знают, что и делать; подумали меж собой и опять отправились к старухе: коли раз узнала, то и теперь скажет.

Вот пришли опять к старухе, а она лежит на печи да уж так-то кряхтит да охает, что и невесть какая болеть на её приключилась. Они стали её униженно просить ещё им поворожить. Она было опять по-прежнему стала отнекиваться, говоря:

— Мочи нет, и старость-то осилила! — а всё для того, чтобы больше дали ей за труды-то.

Они обещали, коли найдутся, ничего не жалеть для ней, и теперича дать покель поболее. Вот старуха слезла с печи, покрёхтывая и кашляя, раскинула опять карты, призадумалась, посмотрела на них и гуторит:

— Ступайте, ищите их в этакой-то лощине, они там, кажись, ходят, точнёхонько ваши!

Хозяева дали ей с радости за работу очень довольно и пошли от ней опять искать. Вот пришли они в лощину, глядь — а там их лошади ходят целёхоньки; они взяли их и повели домой.

Вот и пошла про старуху великая слава, что, мол, такая-то ворожея умеет ворожить во как: что ни скажет — быть делу так. Эта слава распространилась далеко, и дошёл этот слух до одного боярина, у которого пропал целый сундук денег неизвестно куды. Вот как он услышал, да и послал за бабушкой-ворожейкой свою карету, чтоб её к нему привезли непременно, будь она хошь как больна; а послал двух своих людей — Самона да Андрюху (они-то и сдули эти деньги у барина). Вот они приехали к бабке и почти силов её посадили в карету и повезли к барину. Дорогой бабушка начала тосковать, охать и вздыхать, и гуторит про себя: «Охо-хо-хо! Кабы не мамон да не брюхо, где бы этому делу сбыться, чтобы мне ворожейкой быть и ехать в карете к

боярину для того, чтобы он меня запрятал туда, куда ворон и костей моих не занёс. Ох, плохо дело!»

Самон это подслушал, да и кажет:

— Чуешь, Андрюха! Старуха о сю пору что-то про нас бормочет. Кажись, плохо дело будет!

Андрюха ему гуторит:

— Что ты так сробел, может это так тебе со страстей почудилось.

А Самон ему бает:

— Послухай-ка сам, вот она опять что-то гуторит.

А старуху самое берёт страх и горе: вот она, посидя немного, опять своё твердит: «Охо-хо-хо! Коли б не мамон да не брюхо, где бы этакой оказии сбыться!» Вот ребята давай прислушивать, что старуха бормочет: а она, посидя немного, опять за своё примется: «Мамон да брюхо» — и бесперечь со страстей всё своё несёт. Как ребята это услышали, и оторопь сильно взяла: что делать? да и загуторили промеж себя, что надоть бабушку упросить как можно, чтобы она не болтнула этого боярину, а то старая всё твердит: «Кабы не Самон да не Андрюха, где бы этакой оказии сбыться?» Они, окаянные, со страстей-то не разобрали, что старуха гуторит о мамоне да о брюхе, а не Самоне да Андрюхе.

Как меж собой у них сказано, так было и сделано. Вот они и начали просить старуху:

— Бабушка, желанная ты наша, кормилица, не погуби нас, а заставь вечно за тя бога молить. Ну что тебе будет прибыли погубить нас и оговорить перед боярином? Лучше не сказывай на нас, а так как-нибудь; а мы-то уж тебе за это что хошь заплатим.

А бабушка не дура, себе на уме, чует эти слова, схаменулась, и страсть с неё вся соскочила — как рукой сняло, да и спрашивает их:

— Где же вы, детушки, всё это дели?

Они гуторят уж с плачем:

— Что, родимая, чай нас сам окаянный соблазнил, что грех такой сделали.

Бабушка опять спрашивает:

— Да где же они?

Вот они и гуторят:

— Да куда ж их окромя было спрятать-то, как не на мельницу под гать, покуля пройдёт такая непогодь.

Вот они, сгугторившись дорогою как надоть, и приехали в дом к боярину. Боярин как увидал, что привезли старуху, сделался и невесть как рад, взял её под руки к себе в хоромы, начал потчевать всякими этакими питьями и яствами, чего её душеньке угодно, и, напотчевавши её досыта, давай просить её, чтоб она ему про деньги поворожила. А бабушка себе на уме своё несёт, что мочи-то нет и насилу ходит; а боярин и кажет:

— Экая ты, бабушка! Ты будь у меня как в своём дому, хошь — сядь, а хошь — ляжь, если уж тебе не вмоготу сидеть-то, да только поворожи, об чем я тя прошу, и если узнаешь, кто взял мои деньги, да ещё я найду свою пропажу, то не только угощу, а ещё и награжу ты чем душеньке твоей угодно, как следует, без всякой обиды.

Вот старуха, переминаясь, как бы её и в самом деле лихая болесь изнимает, взяла карты, разложила как следует и долго на них смотрела, всё пришептывая что-то губами. Посмотревши, и гугторит:

— Пропажа твоя на мельнице под гатью лежит.

Боярин как только услышал это, что сказала старуха, сейчас и послал Самона да Андрюху, чтобы это всё отыскать и к нему принести: он не знал, что это всё они сами спроворили. Вот те нашли, отыскали и принесли к боярину; а боярин-то, глядя на свои деньги, так обрадовался, что и считать их не стал, а дал старухе сейчас сто рублей и ещё кое-чего очень довольно, да ещё и напередки обещался её не оставлять за такую услугу; потом, угостя её хорошенько, отослал опять в карете домой, наградя ещё на дорогу кое-чем по домашнему. Дорогой Самон и Андрюха благодарили старуху, что она хошь знала про их дела, да боярину не сказала, и дали ей ещё денег.

С этих пор наша старуха ещё боле прославилась и стала жить себе — не тужить, и не только что хлебушка стало у неё вволю, но и всякого прочего, и всего невпроед, да и скотинушки развели очень довольно; и стали с своим сынком себе жить да поживать и добра наживать, да бражку и медок попивать. И я там был, мёд-вино пил, только в рот не попало, а по усам текло.

В некотором царстве был-жил барин; у того барина были лакей да кучер; лакей прозывался Брюхо, а кучер Ребро. В одно время украли они из барского сундука жемчуг. Барин хватился — нет жемчугу! Позвал своих людей.

— Признавайтесь, — говорит, — вы украли?

— Никак нет! Знать не знаем, ведать не ведаем.

— Ну, смотрите! Сейчас же призову бабуку-ворожейку, да коли она узнает да на вас покажет, тогда худо будет!

Послал барин за старухой; привезли её.

— Здравствуй, бабушка! Поворожи мне, голубушка, у меня дорогой жемчуг пропал.

— Хорошо, барин, поворожу; только прикажи наперёд баню истопить, с дороги обмыться надо.

Истопили баню, стала старуха париться, а сама приговаривает: «Ну, достанется ж теперь и брюху и ребру». А лакей да кучер слушают под окном, что она станет говорить.

— Ах, брат, — говорит кучер, — ведь узнала, проклятая! Что теперь делать?

Только старуха из бани, а они к ней:

Бабушка, родимая, не говори барину.

— А где жемчуг? Цел ли?

— Цел, бабушка!

— Ну, возьмите закатайте каждую жемчужинку в хлеб и дайте серому гусю; пусть поклюёт!

Сказано — сделано. Пришла старуха к барину.

— Что, бабушка, узнала?

— Узнала, родной!

— Кто ж виноват?

— Да серый гусь, что на дворе ходит; вишь, у вас в горницах окна-то отворены, он влетел в окно, да жемчуг и поклевал.

Барин приказал поймать гуся и зарезать. Зарезали серого гуся и нашли в зобу жемчуг. Стал барин благодарить ворожейку и оставляет у себя обедать; а к обеду велел изготовить на жареное ворону. «Посмотрю, — думает, — узнает ли старуха?» Вот сели обедать; несут жареную ворону на стол, а баба смотрит по сторонам да говорит о себе: «Вот залетела ворона в высоки хоромы!» — «Экая хитрая! Всё знает». После обеда приказал барин заложить коляску да отвезть старуху домой, а в коляску наклап потихоньку яиц: «Посмотрю, узнает ли теперь?» Вот стала она садиться в коляску и говорит сама себе: «Ну, бабушка, садись на старые яички!» Удивился барин, что старуха всё знает, всё ведаёт, наградил её деньгами и отпустил с богом.